

**«Топофилия» и «топофобия»:
к феноменологии пространственного опыта**

© 2021 г. Е.И. Хан

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 20; Российский университет дружбы народов,
Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.*

E-mail: ehan@hse.ru

Поступила 26.03.2020

Исследование посвящено сопоставлению нескольких проектов феноменологии пространства (в частности, Г. Башляра и Д. Тригга), которые связывают расположенность в пространстве с эмоционально-телесным опытом и способностью человека экзистировать. Феноменологические дескрипции пространственного опыта, в отличие от физических описаний, исследуют глубинно-эмоциональную окрашенность человеческого отношения к месту, которое связано с поиском «собственного места в мире», дома. В статье рассматривается гипотеза о том, что отношения человека с пространством (или способы восприятия телом пространства) можно концептуализировать с помощью понятий топофилии и топофобии, имеющих экзистенциальное обоснование и связанных с поэтическим воображением, надеждой и тревогой. Понятие дружественной/недружественной среды или ландшафта, таким образом, оказывается не сводимым к субъективной оценке эргономичности, но не исчерпывается и конструктивными особенностями того или иного пространства как «рабочего», «места отдыха» и т.п. Дружественность пространства может быть осмыслена через феноменологическую дескрипцию телесного опыта и соответствующее исследование топофилии и топофобии, трактуемых не как психологические диагнозы или определенные установки человеческого сознания, но как феномены, являющие себя в мире. Феноменология телесного присутствия в пространстве представляется продуктивным методом, который мог бы предложить дескрипции опыта, необходимые для реализации так называемого «права на город» (А. Лефевр).

Ключевые слова: Башляр, Тригг, пространство, топофилия, топофобия, пространственный опыт, телесность, обитаемая геометрия, атипичная феноменология.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-55-65

Цитирование: Хан Е.И. «Топофилия» и «топофобия»: к феноменологии пространственного опыта // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 55–65.

“Topophilia” and “Topophobia”: Towards Phenomenology of Spacial Experience

© 2021 Kate I. Khan

National Research University “Higher School of Economics”,
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation; Peoples Friendship University of Russia
(RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation.

E-mail: ehan@hse.ru

Received 26.03.2020

The research is dedicated to the critical comparison of two phenomenological strategies that elaborate the issue of space (G. Bachelard’s and D. Trigg’s), and link the placement in space with the emotional and bodily experience and the capacity of human to extend beyond. Phenomenological descriptions of the spacial experience indicate the deeply emotional colouring of human attitude towards place, that implies searching for one’s “own place in the world”, or a home. The article develops the idea that the relationship between the human and the space (or the way the body perceives the space) can be conceptualized through the concepts of topophilia and topophobia. This explanation has existential ground, and it has to deal with poetic imagination, hope and anxiety. The concepts of the friendly/unfriendly landscape or environment cannot be reduced to the personal or subjective judgement on its ergonomics, but it also cannot be limited to the constructive characteristics and peculiarities of some place perceived as a “workspace”, “leisure area” etc. The friendliness of the space as such can be comprehended through the phenomenological description of bodily experience and the corresponding research of topophilia and topophobia, which should be treated not as psychological diagnosis or concrete attitudes of consciousness, but as phenomena, which are revealing itself in the world. Phenomenology of bodily presence in space can be seen as a prolific method, that could provide the descriptions of experience, which are necessary for implementation of “the right of the city” (H. Lefebvre).

Keywords: Bachelard, Trigg, space, topophilia, topophobia, spacial experience, embodiment, inhabited geometry, atypical phenomenology.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-55-65

Citation: Khan, Kate I. (2021) ““Topophilia” and “Topophobia”: Towards Phenomenology of Spacial Experience”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2021), pp. 55–65.

Когда речь заходит о пространстве, мы оказываемся заложниками представления о нем как о вместительности тел и их маневров, отправляясь от базовой интуиции собственного тела. Абстрактное мыслимое пространство – геометрическое – нуждается в аналогичной нашему телу точке отсчета, относительно которой и возникают пространственные измерения, куда оказывается возможным вписать или поместить некий объект. Феноменологическая философия в XX в., отказавшись от антитезы тела и души, *res extensa* и *res cogitans*, указала на несколько важных аспектов, касающихся мышления пространства, а именно: 1) нетождественность фактического физического положения тела человека его расположению в пространстве (начиная с пространства, охватываемого моим вниманием, и заканчивая трактовкой расположенности как экзистенциала); 2) различия между физическим пространством, пространством как средой обитания (в том смысле, в котором мы говорим об ареале обитания) и пространством человеческого мира как возможности экзистирования.

В рамках данной статьи я попытаюсь критически рассмотреть вышеуказанные положения, обратившись к соответствующим феноменологическим дескрипциям опыта («обитаемой геометрии» Г. Башляра и «атипичной феноменологии» Д. Тригга). Меня также будет интересовать фундаментальное положение о дружественности (или недружественности) пространства и его онтологические импликации, которые можно исследовать на примере феноменологии тревоги Д. Тригга.

«Обитаемая геометрия» Г. Башляра как исследование топофилии

Кратко вспомним классические ньютоновские дефиниции, характеризующие отношения пространства, места и тела: абсолютное пространство всегда одинаково и неподвижно, относительное пространство же есть его мера, ограниченная и подвижная часть; «место есть часть пространства, занимаемая телом, и по отношению к пространству бывает абсолютным или относительным» [Ньютон 1989, 31]. Классическая новоевропейская наука, начиная с Ньютона и Декарта, производит эпохальную процедуру математизации естествознания, что означает помещение всех нас в качестве тел в такое физическое пространство, которое мыслится геометрически.

Следующий логический шаг – попытка обнаружить причины такого мышления – был сделан Кантом в его обосновании априорных форм чувственности (пространства и времени). Когда Кант размышляет об ориентировании в мышлении, он приводит занятый пример об изначально присущем субъекту в эмпирическом пространстве «чувстве сторон, левой и правой», которому уподобляется и ориентация разума в мышлении (хотя различие левого и правого присуще нам как раз в силу телесной конституции)¹. Фактически Кант закрепил за субъектом такую естественную способность восприятия, которая *a posteriori* наделяет евклидову геометрию интуитивно постигаемой «очевидностью». Универсальные истины геометрии, не зависящие от эмпирического субъекта, оказываются идеальным кандидатом для прояснения принципов самого мышления, которое в попытке обнаружить их произвольный характер приходит к принятию конкретного перечня аксиом.

Помнить о классическом геометрическом понятии пространства важно, чтобы понимать переход к феноменологии пространства, который был предпринят Хайдеггером и другими авторами, использовавшими возможности феноменологического метода для дескрипции опыта пространственной ориентации, в котором себя проявляет фундаментальная установка заботы о мире, различения (не)возможного в наличном. Пространство жизненного мира – это не физическое и не геометрическое пространство, это область набросков и путей². В геометрически понятом пространстве легко рассчитать, сколько стульев уместится в комнате. В пространстве, как его истолковывает Хайдеггер, вполне может случиться, что стул «свалился в бездну» (как в одном небезызвестном стихотворении). Само понятие пространства изначально связано с обителью, жилищем: человеческое отношение к месту (*Raum, peras*), его стремление к обустройству конституировано отношением к местности, пониманием пространства как *spatium*, но не *extensio* [Heidegger 1971].

Когда феноменология ставит вопрос о «где» человеческого пребывания в зависимость от «как», пространство начинает мыслиться не только количественно, но и качественно. Суть вопроса емко выразил Э. Гуссерль в докладе «Кризис европейского человечества и философия»: «Но каким образом формулы вообще, математическое объективирование вообще обретают смысл на почве жизни и наглядного окружающего мира – об этом мы ничего не знаем; так что Эйнштейну не удалось реформировать пространство и время, в которых разыгрывается наша живая жизнь <...> поскольку наглядный мир, это просто субъективное, упущен тематикой науки, забытым оказывается сам работающий субъект» [Гуссерль 1994, 123]. Поставленный Гуссерлем вопрос о положении человека будет подхвачен и другими авторами³. Философское исследование жизненного пространства не сводится к дескрипции впечатлений и пейзажей: скорее, оно предполагает выявление сущности самого отношения к месту, движется

в поисках пространства, окрашенного присутствием, а не оптимизированного в гетто. Отношение к пространству влечет за собой вопрос: что значит, что какому-то месту присуща некоторая атмосфера? Это можно прояснить, обратившись к «крайностям» – к феноменам топофилии и топофобии.

Прежде всего обратимся к топофилическим этюдам из «обитаемой геометрии» Г. Башляра. При работе с «Поэтикой пространства» Башляра сразу возникает методическое затруднение из-за принятой им стратегии неразличения онирического и поэтического. И грезы, и искусство для него служат высвобождению воображения, что, собственно, помещает человека в пространство языковое. Каким образом это языковое пространство соотносится с фактическим пространством присутствия? Насколько Башляр близок хайдеггеровскому пониманию языка как дома бытия?

Во введении Башляр описывает цель своего исследования так: «...мы намерены рассматривать совсем простые образы – образы счастливого пространства. К нашим изысканиям, учитывая такую их направленность, приложимо название “топофилия”. Задача – определить человеческую ценность пространств, всецело нам принадлежащих, защищенных от враждебных сил, пространств, нами любимых. Этим пространствам воздается хвала» [Башляр 2004, 22]. Предприятие рискованное: когда заявлен панегирический жанр, останется ли место философствованию?

Как бы далеко ни отходила феноменология Башляра от «ортодоксальной» версии феноменологии Гуссерля и Хайдеггера, здесь он намечает важный вектор в исследованиях феномена пространства, связывая его с языком, на котором выговаривает себя на строение. Башляр исходит из гипотезы о том, что поэтический образ содержит в себе всю полноту характеристик переживаемых пространств и вызывает у разных людей вполне схожие переживания, служа поводом для осуществления «чистого воображения». Приводимые им дескрипции опыта ориентированы на поиск некоторых универсальных установок: пещера, раковина, хижина так или иначе отсылают к схожему чувству защищенности, пребывания под покровом, в жилище. Утверждая реальность образов, Башляр настаивает на необходимости иметь возможность представить беспредельное, которая раскрывается только в грезах. Он предлагает определять грезу как переживание мгновения. «Мы не видим ее начала, <...> она начинается всегда одинаково <...> уходит от близкого предмета и сразу же оказывается далеко, в другом месте, в пространстве нездешнем» [Там же, 161].

Грезы – плод воображения, фундаментальной способности сознания выходить за пределы наличного, расширять собственный мир, угадывая нечто «за горизонтом и далее»; горизонт этот – и пространственный, и временной. Поэтическое пространство порождает беспредельные образы, размывает мир, раскрывает его качественное многообразие и полноту. Башляр обращает внимание на специфические сущности «грусти», «сожаления», «тоски», которые не являются «поверхностными», несущественными предикатами субъекта или вещи, но являют целостный, особенный, окрашенный мир. «Если хотите найти сущность философии мира, ищите прилагательное» [Там же, 130]. Башляр видит свою миссию в описании тех образов, тех сущностей прилагательных, которые раскроют *многообразие аспектов топофилии*. И хижина, и дворец, и лес, и пустыня – все это превращается в устах поэта и в воображении мечтателя в обитаемые пространства. Для Башляра образы принципиально не являются метафорами, он настаивает на буквальном прочтении их «так, как они есть» – это позволяет ему начисто медленно приближаться к онтологии.

Исследовательский подход Башляра может вызвать сомнения: не проясняя основания иерархии образов, он перебирает один поэтический образ за другим, показывает галерею топосов, типологию без попытки систематизации. Не является ли это собрание случайным и ситуативным? И все же его топофилические изыскания не беспочвенны, по крайней мере, по трем причинам.

Во-первых, не стоит забывать, что «Поэтика пространства» (1958), как ни странно, все же наследует работе Башляра «Опыт восприятия пространства в современной физике» (1937), где было намечено движение от однородности геометрического

пространства к релятивизму познания, от чисто дескриптивной феноменологии Гуссерля – к «феноменотехнике» [Bachelard 1937, 140]. Башляр строг и точен в своей критике механицизма и картезианства. Одна из его основных мишеней – устаревшее понятие материи как локализованной в пространстве *res extensa*. Обращаясь к неклассической физике, еще в «Новом научном духе» (1934) он тонко заметил, что только в силу аналитических привычек обычного опыта феноменология различает «статичный феномен (вещь) и динамичный феномен (движение)» [Башляр 1987, 127]; мы привыкли к описанию опыта в терминах геометрических качеств и антитезы покоя и движения, но не готовы к реализму самих феноменов⁴. В «Философском отрицании» Башляр приводит два важных тезиса: «Мир, в котором мы мыслим, не есть мир, в котором мы живем»; и «необходимо разработать столько логик, сколько существует типов объектов любой природы» [Там же, 252]. Так, «вертикальное время» у поэтов (то есть выраженный в поэзии отказ от последовательности и причинности в развернутом описании *единого мгновения*), с точки зрения Башляра, как раз становится той логикой, которая способна раскрывать подлинную амбивалентность феноменов в опыте настоящего момента. Приведенный им пример – поэтическая «светлая грусть» – сродни тем опытам, которые воплощены в переживании «уюта» или «грез».

Во-вторых, «Поэтика пространства» Башляра становится весомым вкладом в обсуждение и исследование антропологических пространств. И Левинас, и Фуко косвенным образом отвечают ему, указывая на иные аспекты топосов жизненного мира. Так, Фуко продемонстрирует обратный эффект захваченности пространством, которое может выступать как организующе-контролирующее на манер паноптикума⁵, а Левинас продолжит логику Башляра, описывая жилище как начало мира – то, что предполагает овладение вещами и разделение-с-другим пространства интимности. «Место – это основа (до геометрического пространства, до конкретной атмосферы хайдеггеровского мира)» [Левинас 2000, 44]. Любопытно, что ни Башляр, ни Левинас никогда не ссылались друг на друга и не упоминали работ друг друга [Karul 2012, 137–144].

Третья причина заключается в том, что топофилия в трактовке Башляра характеризует вовсе не его личное трепетное отношение к избранным местам и образам – речь идет о человеческой ценности пространства, откуда становится ясным творческое и преобразующее отношение к окружению. Экспликация топофилии – один из возможных ответов на диагноз «эпохи бездомности», заброшенности, поставленный Бубером. Оказавшись в пространстве, которое загадочным образом вмещает в себя и макромир, и микромир, в котором существование человечества – лишь краткий эпизод, топофилия порождает творческое, специфически человеческое «место обитания, обогащенное смыслом». Обращаясь к пространству дома, Башляр предлагает другой смысл отношения к вещам – для него важны не наличность или подручность⁶, не объективация, но очарование вещей, пространство игры воображения. Можно сказать, что поэзия рождается из воспевания тех мест, в которые можно возвращаться вновь, даже если они стерты с лица земли или никогда и не встречались в той чистоте, в какой можно запечатлеть их образ – так феноменологическое исследование топофилии позволяет прояснить источник самого поэтического творчества.

Топофобия как феномен «атипичной феноменологии» (Д. Тригг)

В то время как тема топофилии оказалась сразу подхваченной многими авторами, противоположная установка, связанная с тревогой и страхом, еще долго трактовалась исключительно в духе экзистенциализма, то есть в связи с фундаментальным страхом смерти и неопределенности, и потому в перспективе скорее временной, чем пространственной. Отношение к пространству вносило определенность в событие ухода: весьма затруднительно предугадать, когда ты умрешь, зато можно заранее распорядиться относительно того, где должно быть последнее пристанище. Наконец, современный феноменолог Дилан Тригг, известный как сторонник обновления феноменологии в качестве «нечеловеческой» (то есть не привязанной к факту данности именно человеческого тела

в качестве первичного), в своей последней работе «Топофобия: феноменология тревоги» (Topophobia: a Phenomenology of Anxiety) решил обратиться к исследованию фундаментального отношения «тело – мир» в аспекте топофобии (и ее преодоления).

Первый шаг, который предпринимает Тригг в своем исследовании – эксплицитное различие объективно существующей местности и места. Разбирая пример с разворачивающимся на мосту приступом тревоги, он указывает, что мост как архитектурная конструкция из определенных материалов – мост как вещь – существует и без тех, кто по нему ходит. Но «уникальная способность моста» заключается в том, чтобы выстраивать отношения между людьми и местами (в данном случае он ссылается на доклад Хайдеггера «Строить, жить, мыслить»); то, что происходит и разворачивается на мосту – настроение, – не порождено ни исключительно «моим» состоянием, ни обстановкой на самом мосту, но некоторым их совпадением, раскрывшим настроение места [Trigg 2017^b, 35–36]. Тригг также использует термин «настроение» (*mood*) в значении «*Stimmung*» Хайдеггера. В общем-то, его разворачивание феномена фобии в данном случае также повторяет обращение Хайдеггера к экзистенциалам тревоги, страха и ужаса. Фобия неинтересна Триггу как диагноз; ему важно исследовать саму сущность отношений-взаимодействий с местом.

Для разъяснения фобий пространства (агорафобии, клаустрофобии) Тригг использует и комментарии предшественников-феноменологов (Хайдеггера, Сартра, Мерло-Понти, Левинаса и Башляра), и психоаналитические и психологические трактовки. В качестве одного из примеров можно привести его разбор восприятия света, отсылающий к мифу о пещере из VII книги «Государства» Платона. Всякому зрячему знаком опыт адаптации глаз к свету, когда вдруг покидаешь темную комнату: одновременно с этим солнечный свет «расступается, интегрируясь в более широкий мир, позволяя, наконец, получить более ясную перспективу» [Ibid., 168]. Этот опыт Тригг сопоставляет с опытом погружения в залитое искусственным светом пространство супермаркета, где резкая неестественная иллюминация некоторым образом структурирует и упорядочивает наш опыт – а для субъекта тревоги подобный свет легко может стать основным предметом опыта, объектом в мире. Так он пытается указать, что состояние тревоги возникает, когда вместо очерченных границ и способности целеполагания в их пределах (предполагающих владение собой, собственным телом и намерениями) субъект оказывается в необъятном, неконтролируемом пространстве, где способность движения и выбора перестает быть произвольной. Совсем необязательно было бы охватывать вниманием все физическое пространство, ведь фокус внимания является подвижным, то есть эти очерченные границы имеют структуру временного и подвижного горизонта. Но на мосту, переполненном людьми, утрачивается способность ориентации, возникает опасение погрузиться в неконтролируемый «поток» движения⁷; пустыня пугает своей беспредельностью и неспособностью отличить видимый мираж от реальности оазиса, а ситуация топофобии в супермаркете – ощущением бессилия, вызванного жестко структурированным пространством, направленностью резкого освещения и принудительной конфигурацией лабиринта из стеллажей, который не предполагает никаких естественных теней и не оставляет пространства для свободного движения.

Последний пример Тригга интересно сопоставить с тем, что Марк Оже описывает как «не-место» (*non-lieu*), которое является предельно деперсонализированным, и потому деперсонализирующим⁸. Оже указывает на то, что в «не-месте» человек не осуществляет «пространственную практику» (*pratiquer l'espace*), поскольку для него это не конкретное место, а безликие места – вроде мест скопления людей, которые характеризуются лишь тем, что должны быть поскорее преодолены. В качестве примеров он приводит «как необходимые для ускоренного перемещения людей и товаров (скоростные дороги, развязки, аэропорты), так и сами транспортные средства, крупные торговые центры или лагеря длительного транзита, где размещаются беженцы на планете» [Augé 1992, 48]. То, что у Тригга провоцирует топофобию, для Оже оказывается скорее фактором безразличия и отчужденности, никак не вовлекающим потоком.

В каком случае суета, спешка и неестественность происходящего в аэропорту, когда приходится ускорять собственный шаг, становясь на ленту, напоминающую багажную, вызовут у человека тревогу, а в каком он будет сохранять невозмутимое безразличие?

Здесь можно провести параллель с модусами присутствия у Хайдеггера: *Dasein* испытывает страх, поскольку понимает свое положение в этой ситуации («как так? я уподобляюсь собственному чемодану, я вынужден обходиться с собой как с бездушным объектом в логике расписаний, высвечивающихся на гигантских табло; я препоручаю свою сохранность, свою жизнь кому-то, не имея возможности никак повлиять на это»), *Das Man* не страшится, поскольку не озабочен своей временностью, не придает значения происходящему («нормальная конфигурация пространства, в аэропорту торопиться – это нормально, самолеты – безопасный вид транспорта»). Впрочем, остается неясным, почему ни Оже, ни Тригг не рассматривают возможность взглянуть на подобный опыт как на естественный и комфортный для бродяги-номада, наиболее ясно чувствующего себя собой именно в подобного рода «не-местах», в преддверии новых перемещений.

Для Тригга одна из самых любопытных ситуаций для исследования – как тревога и страх зарождаются, когда находишься у себя дома. Он вспоминает топофилические этюды Башляра и рассуждения Левинаса об атмосфере дома и показывает, как конститутивная для субъекта атмосфера дома может становиться пугающей. Глубокой ночью знакомые вещи предстают в неожиданном свете. Дом как зеркальная проекция, коллекция следов собственной жизни может вызывать чувство замкнутости, погружать в воспоминания так глубоко, что из них почти невозможно выбраться – они материально воплощены во всех окружающих предметах. По мнению Тригга, подобные психологические описания свидетельствуют о более фундаментальной структуре дома в его «сущности»: «Дом предполагает два суб-центра: онтологический центр и центр мира. Будучи нераздельными и конституирующими друг друга, эти два центра позволяют понять, как определенные характеристика мира агорафоба приобретают такую качественную окрашенность как беспокойство и страх, поскольку вовлекают во взаимную игру незнакомое и нереальное» [Trigg 2017^b, 87].

Исследование этого «аффективного отношения», как его называет Тригг, выявляет три способа модификации отношения «тело – мир»: 1) телесное восприятие мира меняется и переопределяется в связи с настроением утраты и потери; 2) разрушенный дом продлевает глубокое чувство утраты безопасности, которое окутывает и тело, и мир; 3) само тело как обладающее «собственным» миром (буквально являясь «фундаментальным носителем отдельного мира») вступает в диалог с окружением, миром «вокруг», и разлад, несогласованность могут также породить тревожность и страхи [Ibid., 60]. В итоге, феноменологическое исследование тревоги представляет собой «атипичную феноменологию, которая требует <...> бдительности в отношении того, чтобы не редуцировать опыты в связный и последовательный нарратив, в котором субъект смотрит на все издали» [Ibid., 81]. Видимо, поэтому он и избирает в качестве формы изложения эссе, каждое из которых начинается с описания некоторого пространственного феномена как опыта ситуации *от второго лица*, давая читателю возможность мысленно представить себя в описываемой обстановке, а затем приводит феноменологический анализ.

Топофобия оказывается отношением, в котором границы локуса, рефлексивность Его, активность сознания и воображения оказываются весьма расплывчатыми, уступая пространственной имперсонализации. Тригг пытается указать на обратную сторону обитаемого пространства, на его способность отчуждать и вовлекаться в инобытие. Его феноменологические этюды можно охарактеризовать как аналитику *Das man*, аналитику боязни и тревоги без оценочной позиции и без попытки нарочитого дистанцирования: перспектива второго лица здесь неслучайна. «Несобственное настоящее» не менее существенно, чем «собственное», а пространственность (*spacality*) имеет динамический характер и «все время конституирована нашим аффективным отношением и взаимодействием с местом» [Ibid., 106].

Подход Тригга можно было бы противопоставить подходу объект-ориентированной онтологии Джона Ло: если Тригг исходит из реальности пространства, из многообразия тех мест, с которыми всегда уже начато взаимодействие-игра, то Ло также отказывается от парадигмы евклидова или физического пространства, но подчеркивает искусственный характер пространств через установление правил, предлагая их денатурализовать. Ло показывает «сделанность», «сформованность» объектов пространственными потоками, организованность всякого *X* (будь то инструмент или существо) логикой взаимодействий и установленными способами обхождения с ним, что в свою очередь открывает возможность выхода в позицию конструирования архитектуры сетевых пространств [Ло, 2006, 30–42]. Такого рода сетевое пространство, или «пространство потоков», будто бы уравнивает в правах субъект и объект, придавая обоим статус условно-интерактивных объектов... однако упоминаемые Ло «потоки» на деле подобны гуссерлевской интенциональности (с акцентом на множественности). Премимуществом феноменологического подхода к пространству является то, что феноменологическая дескрипция опыта дает нам качественное описание, позволяет *понимать* генезис и качественную окрашенность того или иного отношения к месту, а не констатировать это отношение как факт или конкретный эффект сложившейся структуры взаимодействий. «Я-центрированность», от которой уходит объект-ориентированная онтология, может быть, и открывает перспективу построения новой онтологии, но при этом лишает нас теоретического доступа к пониманию «мира», равно как и связанных с аффективным опытом, с его хрупкостью, страхами и надеждами. К слову, сам Тригг, известный своим исследованием феноменологии ужаса как не/человеческой феноменологии, всячески подчеркивает, что субъект опыта здесь – не человек *par excellence*, но телесный субъект⁹.

Неясно, впрочем, способен ли я взять на себя инициативу перестраивания отношений с местом, внушающим мне страх. Опыт подсказывает, что это не только возможно, но и необходимо, что в целом объясняет мотивацию людей строить и рушить. Неудивительно, что большая часть примеров Тригга – ландшафты современного города (в основном, Парижа). Не связаны ли проявления топофобии с банальной несоизмеримостью индивидуального участия в обустройстве «моего пространства», с вынужденным освоением в пространстве больших градостроительных проектов и решений? Не стали ли топофобы жертвами достижений модерна в обличье общественного транспорта и застроек в духе Ле Корбюзье? В связи с последним возникает и еще один интересный вопрос – может ли дескрипция переживаний топофобии служить отправным пунктом для того, чтобы начать бороться за «право на город», трансформируя городские пространства из «топофобных», внушающих недоверие, тревогу и страх – в «топофильские»¹⁰?

Несмотря на то что велик соблазн списать все на типичные «расстройства эпохи» (подобно тому, как медицинские форумы в Интернете породили киберхондрию), стоит все-таки сосредоточиться не на конкретных эмпирических проявлениях, а на самих условиях появления таких феноменов, как многообразные виды топофобии. Ведь как ни странно, они в значительной мере совпадают с условиями топофилии, поскольку исходят из сложной структуры присутствия в пространстве, всякий раз оказывающемся местом моего сопребывания с другими, вместилищем страхов и надежд, игры воображения, встречи с загадочными следами прошлого и мечтами во всегда недоопределенном пространстве. Проектирование и исследование жизненных пространств – дело трудное. Какой бы монументальной ни была стройка века, неизвестно, облужуют ли ее крышу городские птицы. Городские ландшафты и интерьеры домов недостаточно сделать удобными для передвижения – хорошо бы, чтобы в них хотелось жить.

Заключение

Неожиданность локализации тела в исчислимом физическом пространстве и топоса как качества присутствия – это даже не различие между территорией и картой. Скорее, это различие между проложенным маршрутом и тем, каким рисуется этот

путь. Можно ли согласиться с тем, что топофилия выстраивает и исследует феномен счастливого пространства, исходя из поэтических образов (как это делал Башляр), то есть отдавая его во власть творческого воображения, в то время как топофобия имеет дело с гипертрофированным восприятием суровой реальности (как в случаях, разбираемых Триггом)? Можно предположить, что топофилия и топофобия представляют собой установки или фундаментальные отношения расположенности. Кажется, проще было бы сказать, что топофилия исчерпывается экзальтацией от поэтической утопии, а топофобия – патологическим психофизическим расстройством; но такое упрощение сомнительно, поскольку игнорирует генезис этих «состояний». Феноменология пространственного опыта отчасти проясняет этот генезис, ставя вопрос о пространстве как о вопросе онтологический. Вместе с тем, она имеет вполне практические импликациии, ведь осмысление восприятия места – первый шаг к тому, чтобы озаботиться его обустройством.

Является ли топофилия условно-нормальным или условно-идеальным отношением и можем ли мы говорить о (не)дружественных локациях как таковых? Данное рассмотрение наводит на следующий ответ: всякое дружественное или недружественное отношение к обитаемому пространству происходит во времени и во взаимодействии; необоснованно было бы заранее маркировать те или иные пространства как «дружественные» или «недружественные» или полагать, что таковыми они будут всегда. В завершение хочется вспомнить «Вишневый сад» Чехова: для Лопахина «замечательного в этом саду только то, что он очень большой», тогда как для Раневской «если во всей губернии есть что-нибудь интересное, даже замечательное, так это только наш вишневый сад». Люди владели садом, сад овладел умами людей.

Примечания

¹ «Если бы кто-либо в шутку переставил бы все предметы, сохранив их прежний порядок, так, что слева оказалось бы то, что ранее находилось справа, то я совершенно не смог бы ориентироваться в комнате, стены которой в остальном остались бы без изменения. Однако все же вскоре я буду ориентироваться благодаря одному лишь чувству двух своих сторон, левой и правой. <...> я могу еще более расширить данное понятие так, что оно будет теперь состоять в способности ориентироваться не только в пространстве, т.е. математически, но и в мышлении вообще, то есть логически. Можно по аналогии легко догадаться, что делом чистого разума будет именно управление своим применением в тех случаях, когда он, отталкиваясь от известных предметов (опыта), захочет выйти за пределы опыта и не найдет в созерцании ни одного объекта, а всего лишь пространство для него» [Кант 1982, 111].

² Так, например, в «Бытии и времени» Хайдеггер пишет: «Присутствие – буквально – забирает пространство. Оно никоим образом не налично лишь в части пространства, заполненной телом. Экзистирова оно всегда уже простерло себе некий простор» [Хайдеггер 2011, 368].

³ Здесь уместно было бы вспомнить феноменологию восприятия М. Мерло-Понти, который исследовал пространство как то, что раскрывает себя в телесном опыте, являясь для него и условием, и средством, «универсальной возможностью взаимодействия» всех вещей [Мерло-Понти 1999, 313]. Можно также отослать к описаниям пространства дома в свете исследования intersубъективного пространства у Э. Левинаса, к теории социального пространства (включающего в себя воспринимаемое, задуманное и жилое) А. Лефевра, к исследованию «дисциплинарно организованного» пространства у М. Фуко.

⁴ В качестве примера подобной привычки можно привести комментарий Башляра по поводу одного из постулатов классической физики, изложенных О.Л. Рейзером: «6. *“Чтобы переместиться из одного места в другое, любой объект должен преодолеть разделяющее эти места пространство, что можно сделать только по прошествии определенного времени”*. <...> Теория относительности диалектизирует этот постулат особенно четко. Дж.Н. Люис, в частности, пишет: *“Глаз касается звезды, которую он видит, точно так же, как палец касается стола, так как в геометрии теории относительности разделяющее пространство равно нулю”*. <...> Действительный пространственный интервал между двумя объектами заслуживает действительного определения. Мы не имеем права приписывать ему непосредственно представляемых свойств. Если мы приписываем ему их, то, значит, делаем это под незаметным влиянием постулата» [Башляр 1987, 258–259 (курсив мой. – Е.Х.)].

⁵ См. подробнее главу «Паноптизм» в работе «Надзирать и наказывать» [Фуко 1999].

⁶ В этом, как отмечает А. Выдра, Башляр расходится с Хайдеггером – во всяком случае, с Хайдеггером «Бытия и времени» и «Истока художественного творения» [Vydra 2014, 52].

⁷ Разбирая в качестве примера случай с переполненным автобусом, Тригг предлагает ввести термин «межпространственность» для характеристики взаимоотношения моего телесного пространства и пространства выступающих для меня в качестве почти анонимных тел других, то есть ситуации наложения и взаимовлияния траекторий движений всех участников (в их числе и неживых объектов, вещей). См. подробнее главу 3 из работы «Топофобия: феноменология тревоги» («Two Ocular Globes») [Trigg, 2017b]. Еще более явно межпространственность проявляет себя в ситуации отстранения, или имперсонализации собственного тела, как во время пугающего опыта нахождения в самолете в зоне сильной турбулентности, где собственное тело испытывает неконтролируемую тряску, пребывая в фиксированном положении в изолированном пространстве.

⁸ Марк Оже, современный французский философ и антрополог, вводит данный термин, противопоставляя его понятию «антропологического места». Не-место – это порождение «гипермодерна» («сверхмодерна», *surmodernité*), пространство, которое «не может быть определено ни как идентифицирующее, ни как относительное, ни как историческое» [Augé 1992, 100].

⁹ Тригг определяет феноменологический метод, который он пытается переосмыслить, следующим образом: «Феноменология <...> обращена сразу и к человеческим, и к нечеловеческим сущностям. Человеческий опыт выступает здесь как важная отправная точка для дальнейших размышлений. Но эта точка именно отправная». См. подробнее: [Тригг 2017*].

¹⁰ Эта концепция была впервые сформулирована Анри Лефевром в работе «Право на город» [Lefebvre 1968], а в начале XXI в. разрабатывалась целым рядом авторов (Д. Харви, М. Перселом, М. Мейер, М.Л. де Соуза и др.) и фактически превратилась в идеологию общественного движения за право жителей города участвовать в политике обустройства города и иметь доступ к городским ресурсам.

Источники – Primary Sources and Russian Translations

Башляр 1987 – Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987 (Bachelard, Gaston, *Le Nouvel Esprit scientifique*, Russian Translation).

Башляр 2004 – Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004 (Bachelard, Gaston, *La poétique de l'espace*, Russian Translation).

Гуссерль 1994 – Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994 (Husserl, Edmund, *Philosophie als strenge Wissenschaft*, Russian Translation).

Кант 1982 – Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении? // Кантовский сборник. 1982. № 1 (7). С. 110–121 (Kant, Immanuel *Was heisst: sich im Denken orientieren?* Russian Translation).

Левинас 2000 – Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.: СПб.: Университетская книга, 2000 (Lévinas, Emmanuel, *Totalité et Infini* et al., Russian Translation).

Мерло-Понти 1999 – Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука: Ювента, 1999 (Merleau-Ponty, Maurice La, *Phénoménologie de la perception*, Russian Translation).

Ньютон 1989 – Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989 (Newton, Isaac, *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica*, Russian Translation).

Фуко 1999 – Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ад Маргинем, 1999 (Foucault, Michel, *Surveiller et punir: Naissance de la prison*, Russian Translation).

Хайдеггер 2011 – Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011 (Heidegger, Martin, *Sein und Zeit*, Russian Translation).

Bachelard, Gastin (1937) *L'expérience de l'espace dans la physique contemporaine*, Librairie Félix Alcan, Paris.

Heidegger, Martin (1971) “Building Dwelling Thinking”, Heidegger, Martin, *Poetry, Language, Thought*, Hofstadter A. (trans.), Harper & Row, New York, pp. 141–160.

Lefebvre, Henri (1968) *Le droit à la ville*, Éditions Anthropos, Paris.

Ссылки – References in Russian

Ло 2006 – Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.

Тригг 2017* – Тригг Д. Нечто. Феноменология ужаса. Пермь: Гиле-пресс, 2017.

References

Augé, Marc (1992) *Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité*, Éditions du Seuil, Paris.

Karul, Robert (2012) *O bytí bez subjektu*, Schola Philosophica, Pusté Ú'any.

Low, John (2006) “Objects and Spaces”, *Russian Sociological Review*, Vol. 5 (1), pp. 30–42 (Russian Translation).

Trigg, Dylan (2017^a) *The Thing: A Phenomenology of Horror*, Hyle press, Perm (Russian Translation).

Trigg, Dylan (2017^b) *Topophobia: A Phenomenology of Anxiety*, Bloomsbury Academic, London.

Vydra, Anton (2014) “Gaston Bachelard and His Reactions to Phenomenology”, *Continental Philosophy Review*, Vol. 47, pp. 45–58.

Сведения об авторе

ХАН Екатерина Иннокентьевна –
аспирантка Школы философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»; ассистент кафедры
онтологии и теории познания факультета
гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов.

Author’s Information

KHAN Kate I. –
PhD student, School of Philosophy,
National Research University
“Higher School of Economics”;
assistant, Department of Ontology
and Epistemology, Faculty of Humanities
and Social Science, RUDN University.